

Проводив Мин-аму взглядом, Е Цзюньшу опустил голову и встретился с преданным взглядом Е Цзюньшаня. Тот из последних сил удерживал в руках ерзающих близнецов. Цзюньшу мягко улыбнулся, подошел и одобрительно погладил Сяо Шаня по голове:

— Ты отлично справился, Шань-эр.

Сяо Шань лишь глупо и счастливо заулыбался, потирая макушку.

Близнецы, привыкшие полагаться на старшего брата, с радостным гулением поползли к нему, оставляя за собой на полу влажные блестящие дорожки из слюнок. Е Цзюньшу присел, взял их нагруднички и аккуратно вытер маленькие подбородки.

— Лу-гэр, не трогай, я сам! — внезапно выкрикнул Сяо Шань и со всех ног бросился в сторону.

Е Цзюньшу обернулся и увидел, как Лу-гэр пытается поднять тяжелую корзину, чтобы отнести её на место. Малыш был едва выше самой корзины; он просунул худенькие плечики в лямки и изо всех сил встал на цыпочки, но так и не смог сдвинуть ношу. Сяо Шань подбежал, высвободил брата и сам взвалил корзину на спину. Дно едва оторвалось от земли на пару сантиметров. Лицо Сяо Шаня мгновенно забагровело, он пошатнулся, но устоял и упрямо заковылял в сторону кухни.

— Сяо Шань, поставь сейчас же! — поспешил остановить его Е Цзюньшу. — Я сам уберу. Помоги-ка лучше занести Пятого в дом.

В корзине было полно всякой всячины, она была тяжелой, а дети еще слишком малы для такой работы. К тому же солнце садилось, и близнецам уже не стоило оставаться на улице — не хватало еще простудиться.

Сяо Шань натужно повернул голову к брату. Видя, что тому действительно нужна помощь, он оставил корзину, подхватил Пятого и засеменил следом за Е Цзюньшу. Е Цзюньчжи тоже не остался в стороне:

— Я тоже помогу! — Он ловко скатал циновку и зашел в дом последним.

Устроив близнецов под присмотром Сяо Шаня и попросив Е Цзюньчжи приглядеть за Цинь-гэром, Е Цзюньшу вывел Лу-гэра во двор. Лу-гэр всё еще принимал лекарства и, боясь заразить братьев, старался держаться от них на расстоянии.

На кухне Е Цзюньшу разобрал добычу из корзины. Он вымыл лесные ягоды и разложил их по трем большим мискам. Одну оставил Лу-гэру, а две другие отнес остальным ребятам. Прежде чем вернуться к делам, он несколько раз строго наказал не давать ягоды близнецам — те еще слишком малы для такой еды.

Вернувшись к плите, он принялся за ужин. Капусту от Мин-аму он решил приберечь на завтра, а сегодня решил ограничиться грибным супом с яйцом, жареной лесной зеленью и парой лепешек. Е Цзюньшу крутился как белка в колесе, не приседая ни на минуту. Благо, Лу-гэр присматривал за огнем в печи.

На душе у Цзюньшу было беспокойно. «Утром сварил четыре яйца, вечером еще два... от тех, что дал Мин-аму, почти ничего не осталось. Откуда брать витамины, когда они закончатся?» Яйца были их единственным источником ценного питания. Может, снова сходить в лес? Там, где он нашел фазана, наверняка где-то спрятано гнездо... Впрочем, ладно, решит потом. В крайнем случае, придется набраться наглости и напроситься с дядей Ли на настоящую охоту.

Как только ужин был готов, Е Цзюньчжи, проявив недюжинную смекалку, поспешил откланяться. Он умчался так быстро, что Е Цзюньшу не успел и слова вымолвить.

После еды, когда посуда была вымыта, начался «банный час». Близнецы, накувыркавшись за день, уснули сразу после каши. Е Цзюньшу собрал одежду для каждого и повел свою «цепочку маленьких редисок» в баню. Баня примыкала к кухне, и он заранее подготовил там огромный чан с кипятком.

По правде говоря, они не мылись уже несколько дней, лишь обтирались мокрым полотенцем. После похода в лес Е Цзюньшу чувствовал, что от него самого уже разит за версту.

«Раз уж мыть одного, так вымою всех сразу, пока на улице еще тепло», — решил он.

В бане стояла большая кадка для взрослых, но для детей она была слишком глубокой, поэтому он использовал несколько тазов разного размера, которые когда-то смастерил их отец. Смешав кипяток с холодной водой до приятного тепла, он приступил к делу.

Сяо Шань и Цинь-гэр уже стояли наготове, сбросив одежду. Е Цзюньшу быстро ополоснул Цинь-гэра, намылил его душистым мылом до густой пены и, смыв всё водой, усадил в большой таз. Сяо Шань тем временем уже всю тер себе спину, готовясь прыгнуть следом.

— Лу-гэр?.. — Цзюньшу обернулся и увидел, что малыш застыл, густо покраснев.

Он переминался с ноги на ногу, явно стесняясь раздеваться. Е Цзюньшу, недолго думая, подхватил его, в два счета освободил от одежек и ополоснул теплой водой. Тщательно намылил, смыл пену и отправил в котел... то есть, в другой маленький таз.

— Ха-ха-ха! — Сяо Шань и Цинь-гэр весело плескались, а Лу-гэр сидел тише воды ниже травы, низко опустив голову. Всё его тельце стало пунцовым, как у вареной креветки.

Е Цзюньшу едва сдерживал смех — какой же стыдливый у него братец! Но поддразнивать не стал, чтобы тот совсем со стыда под воду не ушел. Следя за температурой воды, он по очереди вылавливал распаренных, розовых детишек, насухо вытирал им волосы и тела, одевал и выпроваживал из бани.

Он прикрыл за собой дверь, наскоро прибрался в бане, скинул одежду и первым делом тщательно вымыл голову и тело. После этого он забрался в кадку с горячей водой, привалился спиной к гладким деревянным стенкам и, разминая затекшие плечи, блаженно выдохнул: «Вот она, настоящая жизнь!»

Е Цзюньшу сложил одежду всей семьи замачиваться в тазу, прибрал баню и вышел. На улице еще не совсем стемнело, а Сяо Шань и остальные выглядели бодрыми и совсем не хотели спать. Поразмыслив, он отправился в кабинет, достал книгу для начального обучения и решил научить их грамоте.

В первое время после того, как он перестал ходить в школу, Цзюньшу еще изредка перелистывал книги в свободные минуты, но со смерти отца он к ним не прикасался. Знания в памяти никуда не делись, но для подстраховки стоило всё освежить: даже если он не пойдет на государственные экзамены, то хотя бы не станет «слепцом с открытыми глазами» в будущем.

Сяо Шаню уже восемь — самое время начинать обучение. Последние два года и так пошли прахом, нельзя больше терять ни дня. Наконец-то Е Цзюньшу нашел по-настоящему важное дело: он станет учителем для своих братьев!

Однако была проблема: сейчас им едва хватало на еду, и денег на бумагу, тушь и кисти не было совсем, а старые запасы почти иссякли. Цзюньшу прикинул и решил завтра же изготовить простые угольные карандаши и песочницу для письма — это ведь не должно быть слишком сложно... верно?

Дети встретили идею с восторгом, у всех загорелись глаза. Е Цзюньшу прибавил огня в лампе и при её тусклом свете начал учить Сяо Шаня первым иероглифам. Лу-гэр и Цинь-гэр тоже пристроились рядом «за компанию».

Цзюньшу начал напевно читать:

— «Небо — черное, Земля — желтая; Вселенная необъятна и полна хаоса. Солнце и Луна сменяют друг друга, звезды сияют в небесных рядах...»

Сяо Шань и остальные, забавно покачивая головами в такт, повторяли за ним фразу за фразой.

Сначала он научил их читать «Тысячесловие» целиком, затем взялся за первые шестнадцать иероглифов, попутно объясняя их глубокий смысл. Только убедившись, что дети всё поняли, он двинулся дальше. В тот вечер они освоили эти шестнадцать знаков: на какой иероглиф он ни указывал, дети знали чтение и могли своими словами объяснить значение. Е Цзюньшу был очень доволен — что бы там ни думали другие, а он считал своих братьев невероятно смысленными.

На следующее утро, едва Е Цзюньшу успел привести себя в порядок, в ворота постучали. На пороге стоял Мин-аму с огромным тазом исходящих паром гаоляновых мант (паровых булочек), среди которых белели и несколько пшеничных! Цзюньшу ахнул:

— Как же много! Тут не то что на завтрак — на весь день хватит!

Мин-аму, не обращая внимания на его ошарашенный вид, боком протиснулся в кухню, поставил таз и затараторил:

— Я еще кашу наварил, сейчас принесу вам ковш к булочкам. Пятому и Шестому тоже дай: размочи пшеничную булочку в каше до мягкости и корми по чуть-чуть. — Мин-аму нашел их глубокую миску: — Это ведь для еды, так?

— Да... — Е Цзюньшу виновато протянул: — Но Мин-аму, это слишком много...

Мало того что ему не нужно готовить сегодня, так тут и на завтрашний завтрак останется. Совесть не позволяла принимать столько...

Мин-аму тут же сверкнул глазами:

— Что, твой вчерашний фазан стоит меньше этих мант? Раз я принял твою дичь, ты что, не можешь принять от меня немного еды?

«Но ведь это совсем другое!» — хотел возразить Цзюньшу. Та птица была благодарностью за всё, что Мин-аму для них сделал...

— Всё, — отмахнулся сосед. — Это и твой дядя Хуа велел, так что не спорь. — Он подхватил миску и вышел, явно собираясь наполнить её кашей.

Цзюньшу хотел было пойти следом, но Мин-аму его осадил:

— Мелкие скоро проснутся, иди приглядывай за ними!

Е Цзюньшу пришлось вернуться. Он с тревогой думал, что долгов перед этой семьей становится столько, что он и не знает, как расплатиться. Конечно, он не собирался строить из себя гордого книжника, который «не ест подачек» — когда стоит вопрос выживания, гордость ничего не стоит. Он не был настолько глуп, чтобы ради «лица» заставлять родных голодать. Но в душе он поклялся: когда он или Сяо Шань встанут на ноги, они обязательно отплатят за эту доброту.

После завтрака он не пошел в лес, а остался дома учить Сяо Шаня писать. Он нашел во дворе ровную площадку, засыпал её слоем песка, а вместо кисти использовал гладко обструганную веточку. Пока Сяо Шань, пристроившись рядом, выводил свои первые черты, сверяясь с образцом, который Цзюньшу начертил углем на дощечке, старший брат хмурился. «Так не пойдет, неудобно. Нужно как-то усовершенствовать "инструмент"».

Е Цзюньчжи в эти дни полюбил бегать к ним домой, забросив игры с деревенскими мальчишками. Влетев во двор, он увидел Сяо Шаня и Цзычжоу-гэ, сидящих на корточках в углу. Решив, что они затеяли какую-то игру, он подбежал к ним, но с удивлением обнаружил, что Сяо Шань учится писать.

— Ачжи, ты пришел! — поздоровался Е Цзюньшу.

— Брат Цзычжоу, ты учишь Сяо Шаня грамоте? — откликнулся малец.

Цзюньшу кивнул и, заметив в глазах Ачжи неприкрытую зависть и робкую надежду, спросил: — Ачжи, а ты хочешь учиться?

— А мне можно? — глаза мальчишки вспыхнули, но он тут же замялся. — Это ведь хлопотно... я...

Сердце жаждало знаний сильнее разума, он не мог заставить себя отказаться и невольно косился на Сяо Шаня.

Тот поддержал друга:

— Вовсе не хлопотно! Брат и меня учит, давай вместе!

Е Цзюньшу улыбнулся:

— Если хочешь, учись вместе с Сяо Шанем.

Он как раз ломал голову, как отблагодарить семью Мин-аму, и вот — прекрасная возможность сама пришла в руки! Как бы ни были хороши отношения между соседями, если одна сторона только дает, а другая только берет, любая дружба даст трещину. Обучение Ачжи было делом несложным, но для простой семьи — неоценимым подарком.

В те времена образование стоило баснословных денег, и обычные крестьяне не могли позволить себе выучить ребенка. В их деревне Е за десятки лет лишь пара семей смогла отправить детей в школу на два-три года, остальные не знали и пары иероглифов. Тех же, кто имел ученые степени, во всем уезде было от силы человек десять — все они были «сюоцзями» (первая степень), а сам Е Цзюньшу успел получить лишь звание «туншэна» (кандидат).

Когда он сдал экзамен на туншэна, это стало сенсацией не только в их деревне, но и в соседних! А учиться он смог только потому, что его отец несколько лет назад удачно заработал денег на выездах. Но даже так, за четыре года учебы почти все семейные накопления растаяли. Отец тогда даже думал снова уехать на заработки, но из-за болезни аму остался дома.

<http://bllate.org/book/15226/1343826>